

ЧТО ЗНАЧАТ ВАРМИЯ И МАЗУРИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЯКОВ?

Мартин Вакар

ABSTRACT

By considering what Warmia and Masuria Regions mean to contemporary Poles, the author tries to find an answer by identifying two levels of acquaintanceship with the region: narrative constructions that acquired the forms of myths and scientific cognition. He analyzes the maintenance of two myths around which the images relating to the comprehension of the said regions concentrate: the myth of the Recovered Lands and the myth of Arcadia. Simultaneously, he discusses the meanings of Warmia and Masuria disclosed by scientific studies of the last two decades in contemporary Poland and the changing conceptions of the past of the region resulting in unique forms of identifying oneself with the past of Warmia and Masuria Regions.

KEY WORDS: Warmia and Masuria, myth of the Recovered Lands, Arcadian myth, post-immigrant community, identity.

ANOTACIJA

Svarstydamos, ką šiandienos Lenkijoje reiškia Varmijos ir Mozūrijos regionai, straipsnio autorius ieško atsakymo, išskirdamas du šio regiono pažinimo lygmenis – mitines formas įgijusias pasakojamąsias konstrukcijas ir mokslinio pažinimo. Jis nagrinėja palaikymą dviejų mitų, aplink kuriuos koncentruojasi su šių regionų suvokimu susiję vaizdiniai Lenkijoje – Susigražintųjų žemių mitą ir Arkadijos mitą. Sykiu jis aptaria, kokias Varmijos ir Mozūrijos reikšmes šiandienos Lenkijoje atveria pastarųjų dviejų dešimtmečių mokslinis pažinimas ir besikeičiančios krašto praeities sampratos, sukeliančios savitas tapatini-mosi su Varmijos ir Mozūrijos regionų praeitimi formas.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Varmija ir Mozūrija, Susigražintųjų žemių mitas, Arkadijos mitas, postimi-gracinė visuomenė, tapatybė.

Dr. Marcin Wakar

Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie /

Центр научных исследований им. Войцеха Кентшинского в Ольштыне

Ul. Partyzantów 87, 10-402 Olsztyn

E-mail: marcin.wakar@gmail.com

Вармия и Мазурия, хоть сегодня и составляют основу административного региона – Варминско-Мазурского воеводства¹, на самом деле являются двумя отдельными краями, имеющими свои исторические и культурные традиции. Небольшая Вармия – это часть созданного в 1243 г. Варминского епископства, которую епископ Анзельм получил в качестве обеспечивающей его территории. Так называемый Варминский доминион по форме напоминал треугольник, имеющий неправильные бока и срезанную верхушку, опирающуюся на Вислинский залив. С большим упрощением можно сказать, что границы Вармии определяют расположенные у Вислинского залива Фромборк и Бранево. От Бранево граница ведёт на

¹ Кроме Вармии и Мазур, в состав воеводства также входят такие исторические края, как Горная (либо Верхняя) Пруссия, еще называемая Прусской возвышенностью (нем. *Oberland*), часть Натангии, а также Повисля и Жулав.

северо-восток слегка за Решелем, далее на юг, ниже Ольштына, оттуда опять на север к Фромборку. Значительную часть последнего отрезка границы определяет река Пасленка².

В силу решений второго Торуньского мирного договора, заключенного в 1466 г. между Польшей и Тевтонским орденом, Вармия на правах автономии вошла в состав Королевства Польского, в границах которого оставалась до первого раздела Польско-Литовского государства в 1772 г. В течение следующих 153 лет она принадлежала Прусскому государству. В преобладающем большинстве Вармия была краем католическим, в своей южной части заселённым в основном переселенцами из Мазовии³.

Совершенно по-иному выглядит прошлое Мазурии, несмотря на то, что этот край также был в значительной мере колонизирован населением, переселившимся из северных окраин Королевства Польского. В отличие от соседней Вармии, Мазурия, не имевшая формальных связей с Речью Посполитой, состояла вплоть до 1945 г. в составе государства Тевтонского ордена, а затем в составе Пруссии. Исторически границы Мазурии никогда не были определены, поэтому установить их можно лишь условно, на основании границ распространения людей евангелического вероисповедования, которые общались между собой, употребляя мазурский диалект или польский язык⁴. В северной части границы этого этнографического края ныне попадают в юго-восточный ареал Калининградской области Российской Федерации. На стороне Польши пределы Мазурии достигают города Голдап со значительной частью Роминтской пуши, территорию Великих Мазурских озёр, Пиской пуши, окрестностей Щитна и Вельбарка, а на западе – Оструды, Ниджицы и Джялдова.

Трудно однозначно определить, чем для современных поляков являются эти два разных края, ныне соединённых в одну административную единицу. Решая эту задачу, автор данной статьи представляет проблему в двух плоскостях. Во-первых, в статье будет показано место этого региона в коллективном сознании поляков; во-вторых, будут представлены результаты современных научных исследований об общественности Вармии и Мазурии. Общеизвестно, что элементом, создающим общественное сознание, является миф. Именно поэтому, рассматривая первую из вышеупомянутых плоскостей, автор решил сконцентрироваться на двух мифах, показывающих место обсуждаемой территории в сознании современных поляков. При рассмотрении другой плоскости будут представлены результаты исследований по вопросу идентичности современных жителей этого региона. Это – материалы конференции, опубликованные в книге «Культурная идентичность общественности Вармии и Мазурии»⁵, а также исследования, проведенные под руководством Войцеха Луковского и опубликованные в его книге «Общественное создание отчизн»⁶. Важным дополнением, представляя вторую плоскость, стали сравнительные данные, составленные на основании доступной информации Главного статистического управления Польши.

² Окончательно границы Варминского доминиона сформировались в 1375 г.

³ Историю Вармии обстоятельно представил SZORC, A. *Dominium warmińskie 1243-1772: przywilej i prawo chełmińskie na tle ustroju Warmii*. Olsztyn, 1990.

⁴ О Мазурии и жителях этой территории см.: KĘTRZYŃSKI, W. *O Mazurach*. Olsztyn, 1988; KĘTRZYŃSKI, W. *Szkice*. Olsztyn, 1977; OBITZ, K. *Dzieje ludu mazurskiego*. Dąbrówno, 2007.

⁵ *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998.

⁶ LUKOWSKI, W. *Spoleczne tworzenie ojczyzn: studium tożsamości mieszkańców Mazur*. Warszawa, 2002.

Миф Возвращенных земель и миф аркадский

Миф формирует восприятие действительности и его не удаётся избежать. Как заметил французский структуралист Роланд Бартес, «Миф может покушаться на всё, всё исказить, даже действия, которые ему противопоставляются; чем больше сопротивление в начале [...], тем хуже проституция в конце. Кто из всех сил сопротивляется, тот целиком поддается»⁷. По моему мнению, представлениями поляков о Вармии и Мазурии овладели два мифа – миф Возвращенных (Польше) земель и миф аркадский. Ниже попытаюсь представить их происхождение и значение. Для представления первого будут использованы примеры, взятые из литературы, для представления второго – из литературы и кинофильмов.

Миф Возвращенных земель использовался в пропаганде образующейся Народной Польши, и это касается не только Вармии и Мазурии, но также Опольской Силезии, Нижней Силезии и Приморья с Гданьском и Щецином, которые вошли в состав Польского государства на основании постановлений Ялтинской конференции 1945 г.

Новоселы, переселявшиеся на эти территории, представляли собой общественность, которая сформировалась случайно и которой недоставало объединяющих элементов. Они переселялись преимущественно из Вильнюсского края, а также из западных районов нынешней Белоруссии и Украины. Прибывали также и жители разрушенной Варшавы. Создавая свою общность, эти люди должны были преодолеть барьеры, отделяющие их от нового места жительства и одних от других. Было необходимо найти точку соприкосновения, определяющую общие ценности и цели. Такой точкой стал миф. Коммунистическая пропаганда, злоупотребляя историческими значениями, создала в это время мифотворческие лозунги: «Возвращение исконно польских земель к их роженице», «Земли, возвращенные кровью героической Красной армии», «Одер пенится по-польски», «Наследство Пястов» и т. д. В период с 1945 по 1949 год функционировало даже Министерство Возвращенных земель. Отсюда появились массовые мероприятия во главе с Выставкой Возвращенных земель в 1948 г. Отсюда культурные творения – такие как сериалы, фильмы, фестивали песни и – разумеется – литература. Происхождение этого мифа вовсе не является коммунистическим. В качестве идеи родных земель Польши он появился уже в концепции крупнейшего апологета польского национализма Романа Дмовского. Именно он оказал влияние на апостола такой идеи, историка Зыгмунта Войцеховского, который позже был многолетним директором Западного института в Познани. По его мнению, «территориальное развитие Польского государства в XIV в. было «искривлено», ибо германский натиск определил лишение Польши части своих исконно национальных земель, а в качестве компенсации Польша присоединила Красную Русь. Процесс, начавшийся таким образом, привел к искаженному народному развитию: коренные поляки оказались за пределами Речи Посполитой, в которой в свою очередь проживало множество посторонних, зачастую врагов польской национальной идеи. Однако более важным, и – как стало ясно позже – повлекшим за собой грозные последствия, было развитие на западных рубежах страны и на исконно польских «родных землях» Прусского государства»⁸.

Сам миф воплотился в жизнь в один из наименее славных моментов истории Польши – аннексии Заользья. В своём декрете от 11 октября 1938 г. «Об объединении Возвращенных Земель

⁷ BARTHES, R. *Mit i znak*. Warszawa, 1970, s. 52.

⁸ GÓRNY, M. Po co nam ten mit? *Przegląd Polityczny*, 2004, Nr. 65, s. 121.

Цешинской Силезии с Республикой Польша»⁹ его в то время использовал президент Игнаций Мощицкий.

Пропаганда Народной Польши, появившаяся в соответствии с потребностями, забыла о правых коннотациях мифа Возвращенных земель и при помощи разных средств проталкивала его в общественное сознание поляков. Одновременно с присоединением Вармии и Мазурии к Польше, как будто из подполья, вышли народные писатели местного происхождения. Их польскоязычное творчество было использовано в качестве доказательства об исторической принадлежности этих земель к Польше. В 1949 г. в рамках серии «Библиотека Возвращенных Земель», зачинателем и редактором которой был Станислав Хельштынский, была опубликована антология Витольда Коханского под названием «Поэзия Мазурии и Вармии»¹⁰. Эта книга является сборником стихотворений, написанных как во время возрождения, так и в эпоху современности. Среди классиков польскоязычного творчества на территории Вармии и Мазурии автор книги представляет, между прочим, отрывки из произведений Яна Секлюцьяна, который прибыл в Кёнигсберг в 1544 г. в качестве проповедника для поляков-лютеран. Далее он обсуждает и приводит цитаты его преемников, распространявших польскую письменность в Пруссии, а затем переходит к творчеству борцов за польский характер Вармии и Мазурии, среди которых следует выделить Анджея Самуловского, который родился в 1840 г. Этот народный поэт, основатель первого в Вармии польского книжного магазина в Гетжвалде, своими стихотворениями среди жителей своей родины разжигал польский патриотизм. Поэтому его творчество стало идеальным основанием для мифа Возвращенных земель. В стихотворении, озаглавленном «К варминским матерям», он писал:

Polki matki, uczcie dziatki
Polskiego pacierza!
Choć hakata mieczem kata
Srogi cios wymierza.
Z wiarą w Boga zmożem wroga,
Będziem Polakami,

И далее, в том же самом стихотворении:

Nas dusili i gnębili,
Lecz wszystko daremnie;
My swą siłą – bryłą z bryłą
Odbierzem swą ziemię¹¹...

Среди других авторов, в том числе и мазурского народного поэта Михала Кайки, Витольд Коханский обсуждает творчество своих современников – Алойза Шливы, Марии Жентара-Малевской, Михала Ленговского и Теофиля Ручиньского.

Относительно немного следов обсуждаемого мифа можно обнаружить в творчестве романистов. Примером может быть ранняя повесть Игоря Неверли «Архипелаг возвращенных

⁹ Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej o zjednoczeniu Odzyskanych Ziemi Śląska Cieszyńskiego z Rzeczpospolitą Polską, 11 października 1938 r. *Dziennik Ustaw*, 1938, Nr. 78, poz. 533.

¹⁰ KOCHAŃSKI, W. *Poezja Mazur i Warmii*: antologia. Warszawa, 1949.

¹¹ SAMULOWSKI, A. Do matek warmijskich. In KOCHAŃSKI, W. Op. cit., s. 81. В дословном переводе: Матушки-польки, учитесь, деточки / Молитве польской! / Хотя хаката (анти-польская организация – прим. ред.) мечом палача / Жестокий удар наносит / С верой в Бога одолеем врага / Будем поляками! [...] Нас душили и угнетали / Но всё это напрасно / Мы своей силой – тело к телу / Возвратим свою землю...

людей»¹², за которую в 1950 г. он получил государственную награду III степени. Гораздо более существенным направлением, не считая народной поэзии, в литературе, касающейся Вармии и Мазурии, были воспоминания о временах борьбы за польскость этих земель. Самым важным из них является четырёхтомная публикация Кароля Маллека, состоящая из книг, названных «Из Мазурии в Верден»¹³, «Мазурская интерлюдия»¹⁴, «Из Мазурии в подземелье»¹⁵ и «Польская Мазурия»¹⁶. Кароль Маллек был учителем крестьянского происхождения, в Мазурии родившимся протестантом, борцом за польскость Мазурии и ее жителей, а после войны основателем и директором Мазурского народного университета в Руджиске Пасымском. Собственные воспоминания он вплетает в сложную историю своего народа. В воспоминаниях он также описывает обычаи, обряды и героическую борьбу с германизацией. Эти воспоминания, несмотря на то, что они поддерживали обсуждаемый в этой статье миф, до сих пор являются очень важным материалом, касающимся истории и культуры Мазурии. Не подвергнутая цензуре их версия всё ещё ждёт своего издания.

Не менее важны в обсуждаемом здесь контексте являются воспоминания Эмилии Су-кертовой-Бедравины, которая хоть и родилась в Лодзи, но свою дальнейшую жизнь связала с Мазурией. Как писал о ней Станислав Хербст, «Плебисцит в Мазурии в 1920 году открывает поле деятельности, которой [она – М. В.] останется верна и которой посвятит себя без остатка. После поражения плебисцита она будет редактором, конспиратором, организатором транспортировки контрабандной национальной литературы в Восточную Пруссию. Пером и живым словом она борется с конфессиональными предубеждениями и опорами традиции в польском обществе»¹⁷. Судьбу этой борьбы она описала в книге «Давно и недавно».

Представляемый здесь миф оказал влияние и на представителей научной среды, и, прежде всего, историков. Свои исследования они сосредоточили (что понятно, если учесть пробелы в немецкой историографии) на доказательствах польскости Варминско-Мазурского региона. Таким образом, труды польских историков стали своеобразным инструментом, укреплявшим миф Возвращенных земель в коллективном сознании поляков. Крайним примером является название биографии родившегося в Гижицко и польскость Мазурии воспевавшего историка Войцеха Кентшинского – «Сын возвращенной земли»¹⁸.

Однако наиболее важным носителем представляемого мифа в литературе были так называемые репортажи с Возвращенных земель. Господствовала прямо своеобразная мода на них. Самые интересные из них были опубликованы в сборнике «Встречи. Избранные очерки о Вармии и Мазурии 1945–1949 годов»¹⁹. В нем содержатся, кроме других, тексты Евгениуша Паукшты, Павла Ясеницы (Леона Леха Бейнара) и Ежи Путрамент. Охарактеризовать эти тексты можно, взглянув лишь на заглавие: «Экспедиция на Возвращенные Земли»²⁰. В одном из текстов упомянутый выше Ежи Путрамент написал:

¹² NEWERLY, I. *Archipelag ludzi odzyskanych*. Warszawa, 1950.

¹³ MALLEK, K. *Z Mazur do Verdun: wspomnienia*. Warszawa, 1967.

¹⁴ MALLEK, K. *Interludium Mazurskie: wspomnienia 1920-1939*. Warszawa, 1968.

¹⁵ MALLEK, K. *Z Mazur do podziemia: wspomnienia 1939-1945*. Warszawa, 1970.

¹⁶ MALLEK, K. *Polskie są Mazury: wspomnienia 1945-1966*. Warszawa, 1972.

¹⁷ SUKERTOWA-BIEDRAWINA, E. *Dawno, a niedawno: wspomnienia*. Olsztyn, 1965, s. 6.

¹⁸ SERWAŃSKI, E. *Syn odzyskanej ziemi: Wojciech Kętrzyński, 1838-1918*. Warszawa, 1955.

¹⁹ *Spotkania. Wybór reportaży o Warmii i Mazurach z lat 1945-1949*. Wstęp i oprac. J. SZYDŁOWSKA, J. CHŁOSTA. Olsztyn, 1999.

²⁰ MELCER, W. *Wyprawa na Odzyskane Ziemie*. In *Spotkania...*, s. 25-37.

«Тростники трясутся чудно. Ещё до того, как до них дошла хотя бы самая маленькая волна, они начинают вповалку кланяться судну. Волна едва их выпрямляет, но тут их заставляет шевелиться приближение женщины, которая объясняет сыночку:

– Сразу видно, что мы у себя в Польше. Даже тростники нам кланяются»²¹.

Подводя итог, можно смело утверждать, что обсуждаемый миф оставил заметный след в литературе Вармии и Мазурии, а посредством последней – и в общественном сознании поляков. Сегодня мы знаем, что так называемые «Возвращенные земли на самом деле никогда не были возвращенными. Это был миф, суть которого была легитимировать образование новых послевоенных границ. Кроме того, для этого мифа были характерны дурные коннотации, ибо он был создан в среде радикальных правых группировок и приспособлен послевоенными властями с целью легитимации навязанной власти»²². В данной статье показано наличие этого явления лишь в послевоенной литературе, однако радиус действия указанного мифа был гораздо шире. Следы мифа Возвращенных земель на самом деле можно найти во многих литературных и кинематографических произведениях²³.

Другой миф, прочно заложенный в сознании как современных поляков, так и немцев, это *миф аркадский*. Несмотря на то, что радиус его действия охватывает лишь Мазурию, он отлично показывает восприятие единого региона всей общественностью. Мазурия, представленная в качестве края тёмных лесов и кристаллических озёр, имела своих апологетов среди немецких мастеров пера, среди которых следует прежде всего упомянуть Эрнста Вихерта, Зигфрида Ленца и Ганса Гельмута Кирста. Их творчество, воспевающее потерянные малые родины, составляет канон литературы, посвященной мазурской земле. Самое важное литературное произведение из достижений вышеупомянутых авторов – это изданная после войны (1945/1947) сага «Дети Ероминов» Эрнста Вихерта²⁴, представляющая собой литературный апофеоз этих земель. В Польше этот роман вызывает непрерывный интерес читателей с момента публикации его перевода в 1972 г. Другой весьма важный роман, относящийся к этому направлению – «Музей родимой земли» Зигфрида Ленца, перевод которого, благодаря активности общества «Боруссия», дождался недавно второго издания²⁵. Это роман о Мазурии в 1920-е – 1940-е годы XX столетия, затрагивающий вопросы польско-немецкого приграничья, «малой родины» и сложной идентичности жителей этого края.

Но потерянную малую родину восхваляют не только немцы, которые из неё выбыли. Сравнение краёв детства с мифической Аркадией является частым явлением в литературе. Ведь именно так Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш» и Чеслав Милош в романе «Долина Иссъ» описывали Литву.

Слава Мазурии всё шире распространяется – красота «края тысячи озёр» оценивается должным образом в мире, о чём свидетельствует хотя бы то, что этот регион попал в финал мирового соревнования за звание семи новых Чудес света²⁶. Сонливая и туманная Мазурия соперничала за звание чуда с такими местами как гора Килиманджаро или Великий каньон Колорадо. Мазурия, хотя и не попала в число первой семёрки, была признана самым краси-

²¹ PUTRAMENT, J. Ruciany i Węgorzewo. In *Spotkania...*, s. 156.

²² GÓRNY, M. Op. cit., s. 125.

²³ Немного шире тема мифа Возвращенных земель представлена автором в отдельной статье: WAKAR, M. *Mit Ziemi Odzyskanych w literaturze Warmii i Mazur*. In *Балтийский регион: миф в языке и культуре*. Ред. Г. БЕРЕСТИНЕВ. Калининград, 2010, с. 35-40.

²⁴ WIECHERT, E. *Dzieci Jerominów*. Olsztyn, 1972.

²⁵ LENZ, S. *Muzeum Ziemi Ojczystej*. Olsztyn, 2010 (первое издание: Варшава, 1991).

²⁶ См.: Mazury Cud Natury, *odnośnik*: <<http://mazurycudnatury.org/>> [Ostatnia wizyta: 29.02.2012].

вым местом в Европе. Кроме того, для тех, кто знают этот регион, именно Мазурия является самым великим чудом света, настоящим раем на земле, Аркадией. Ведь, как писал Ганс Гельмут Кирст в романе «Господь Бог спит в Мазурии» (1956), «Это самый красивый клочок земли на всем свете. Ещё не испорченный, ещё всё, что здесь находится, является чистой природой. Не сомневаюсь, что Бог, когда идёт отдохнуть, когда он хочет спать, приходит к нам, чтобы спать тут»²⁷.

Сегодня массовый потребитель достигаем гораздо быстрее при помощи средств массовой информации, нежели литературы. Еще в 1963 г. Мирча Элиаде – румынский религиовед и философ культуры – заметил, что «проводимые в последнее время исследования выявили мифические структуры образов и поведений, которые были навязаны широким слоям человечества, используя масс-медиа»²⁸. Сегодня основную роль в этом играют телевизионные сериалы. Наиболее свежий пример – сериалы «Дом у заливного луга» и «Любовь у заливного луга», созданные Адеком Драбиньским. Циклы картин с Йоанной Бродик и Малгожатой Браунк в главных ролях являются адаптациями пользующихся огромной популярностью романов с такими же названиями, написанными Малгожатой Каличинской.

Главная героиня обоих серийных фильмов приезжает в Мазурию с однодневным визитом, но остаётся дольше, может, и на всю оставшуюся жизнь. Характерно, что она приезжает из Варшавы. Оставление города, смена подвергнутого урбанизации ландшафта на зелёный, заполненный гладью озёр пейзаж для её дальнейшей судьбы имеет ключевое значение. Выезд из города – центра цивилизации – в тихую провинцию характерно отражает символическое вхождение из пространства *profanum* в пространство *sacrum*. Существенная поляризация сфер, городской и сельской, используется в данном случае с целью апологии жизни в провинции. На окраинах великого мира героини сериалов переживают жизненные перемены. Формируя дистанции по отношению к проблемам, связанным с существованием в городе, прежние заботы теряют своё значение. Это особенно симптоматично для продукции, представляющей регион в качестве мифической Аркадии, находящейся в оппозиции по отношению к большой городской агломерации, которая изображается как пространство, где выигрывает сильнейший.

Малгоша – главная героиня двух малоценных, отталкивающих и полных упрощений сериалов – попавшая в Мазурию после того, как её уволили из рекламного агентства, выигрывает, меняя варшавскую атмосферу на мазурскую. Первоначально проявляющаяся тоска и фрустрация проходят, когда она поддается успокаивающей силе тихой провинции, каковой в данном случае является городок Пасым в Мазурии, а в другой части сериала – окрестности деревни Пайтуны в Вармии.

Это только один пример, но следы аркадского мифа заметны и в другой телевизионной продукции, например в многосерийном фильме «Очаг» (1998) Януша Маевского, «Полуста-нок» (2004) Радослава Пивоварского²⁹.

Данный миф характерен и для более серьёзной кинематографии. Отличным примером тому служит представленный к награде Золотой утки³⁰ фильм «Такси А» (2007) – полно-

²⁷ KIRST, H. H. *Pan Bóg śpi na Mazurach*. Warszawa, 1993, s. 72.

²⁸ ELIADE, M. *Aspekty mitu*. Warszawa, 1998, s. 182.

²⁹ Шире эта тема рассмотрена в: WAKAR, P. *Mit Mazur we współczesnym polskim kinie*. In *Балтийский регион: миф в языке и культуре...*, с. 92-100.

³⁰ Золотая утка – старейшая польская кинематографическая награда, присуждаемая журналом «Фильм» и его читателями начиная с 1956 г.

метражный режиссёрский дебют Мартина Корнелюка. Это довольно наивный рассказ о провинциальном бизнесмене Анджее (в его роли Марьян Дженджель), который остался без жены, фирмы и всего имущества. Захотев поплавать на лодке, он довольно случайно стал её владельцем и перевозчиком. Плавание с пассажирами от берега к берегу помогает ему открыть не только весьма банальные жизненные истины, но и сам смысл жизни. История кончается хэппи-эндом (*happy ending*). Благодаря помощи смелой женщины – юриста (Паулина Хольц), Анджей возвращает себе фирму и всё имущество. Однако сам он далее бизнесом не занимается. Наладив свою частную жизнь, он возвращается к перевозкам пассажиров через озеро на лодке. Действие всей этой идиллии происходит в Ольштыне – сердце южной Вармии; озеро же, по которому плавает главный герой, является самым большим водоемом города – озером Укель, которое обычно называют Кривым. Это – очередной продукт, в котором красота варминско-мазурской природы успокаивает героя, с которым жизнь обошлась слишком жестоко.

Образ Вармии и Мазурии как мифической Аркадии может временно нарушить появляющаяся в данный момент на киноэкранах драма Войтека Смажовского «Роза». Она повествует о драматических судьбах коренного населения в 1945–1946 годах. Однако, в силу своей амбициозности и нацеленности на требовательного зрителя, она, пожалуй, не сумеет изменить общих образов и восприятий описываемого региона, характерных для широких масс поляков.

Научное познание

Совершенно иной портрет Вармии и Мазурии создается в публикациях научного характера. Как упомянуто во введении, основным материалом, на основе которого возможно составить такого рода портрет, стал сборник статей, содержащихся в книге «Культурная идентичность общественности Вармии и Мазурии». Статьи являются результатом цикла конференций, состоявшихся в Ольштынском Центре научных исследований имени Войцеха Кентшинского в течение 1992–1995 гг.³¹ Наиболее фундаментальной проблемой, рассматриваемой в указанном издании, были национальные отношения, преобладающие в общественности воеводства. Анджей Саксон утверждает, что характерной их чертой «является своеобразное развитие в двух разных направлениях происходящих здесь общественных процессов. С одной стороны выступает дезинтеграция и распад всех локальных обществ, состоящих из прежних жителей этой территории, т. е. немцев, вармяков, мазуров, евреев и российских староверов. С другой стороны, формирование новых обществ, которое складывались в значительной мере из разных групп населения, прибывших сюда после 1945 г. Этот последний процесс характеризуется необыкновенной сложностью и неоднородной динамикой»³². Таким образом, тут сталкиваемся с пост-иммиграционной общественностью разнообразного состава. В 1950 г., когда в обсуждаемом регионе закончились основные поселенческие процессы, общественность на этой территории составляли главным образом: переселенцы из Курпევщизны и Мазовии – 24,8 %, так называемые репатрианты с Вилен-

³¹ Темой первой конференции, состоявшейся 27 ноября 1992 г., была «Пост-иммиграционная общественность Вармии и Мазур». Вторая конференция «Культурные своеобразия региона Вармии и Мазур» прошла 27 октября 1994 г. Третья, проходившая 17–18 ноября 1995 г., была целиком посвящена «Культурной идентичности жителей Вармии и Мазур».

³² SAKSON, A. Wstęp. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 6.

щизны, Полесья и Волыни – 22,6 %, переселенцы из Белостокского, Люблинского и Жешувского воеводств, большинство среди которых составляли украинцы, переселённые в рамках акции «Висла» – 10 %, а также коренное население – 18,5 %³³. На протяжении дальнейшего периода доля последней группы уменьшалась в связи с выездами в Германскую Демократическую Республику и Федеральную Республику Германии, что было вызвано ошибочной политикой властей по отношению к варякам и мазурам как на центральном, так и на региональном уровне, а также экономической ситуацией.

Другие авторы обращают внимание на особые приметы размещения национальных групп на карте региона. Как отмечает Альфред Чесля, «немецкое меньшинство в Вармии и Мазурии как в городских, так и в сельских местностях проживает не компактно, а раздельно»³⁴. Иначе обстоит дело с самым многочисленным сосредоточением украинского населения в Польше. Они [украинцы] поселились³⁵ в северных местностях региона, «преимущественно в повятах [районах – М. В.] Гурово Илавецкое – 41,5 %, Венгожево – 40 %, Бранево – 37,2 %, Пасленк – 31,1 %, Кентшин – 22,9 % от всего населения отдельных повятов»³⁶.

Наиболее обширная статья из описываемого сборника посвящена освещению религиозной панорамы региона. Ее автор Анджей Копичко показывает многоконфессиональную структуру общественности Вармии и Мазурии, подробно описывая характеризующие её конфессии: римско-католическую, униатскую, евангелическо-реформатскую, баптистскую, старообрядческую, приверженцев методизма и другие менее крупные. Ведущую роль в религиозной жизни жителей региона с 1945 г. исполняет Римско-католическая церковь. Автор напоминает, что наряду с ней, начиная с 1947 г., в северной части бывшего Ольштынского воеводства существует сильная греко-католическая диаспора. Он также обращает внимание на систематическую убыль верующих в церкви евангелическо-аугсбургской, которая в шестидесятые годы прошлого века насчитывала около 100 тыс. верующих, а через тридцать лет – лишь около 4 тысяч³⁷.

Обсуждаемое собрание статей заканчивают два текста³⁸, описывающих долю населения, переселённого из Виленщины, в формировании современной общественности Вармии и Мазурии. Следует напомнить, что большинство среди людей, выселенных в ходе первой (1944–1947 гг.) так называемой репатриации из Литовской ССР, составляли работники умственного труда и ремесленники (58,83 %) ³⁹. Это также характерно и в случае второго выселения, которое имело место в течение 1955–1959 гг.⁴⁰ Значительная часть приезжих стала культурной элитой региона (или, в случае второго этапа переселения, пополнила ее). Именно работники вильнюсских театров «Лютня» и «На Пьянке» образовали послевоенный театр в

³³ BEBA, B.; PIJANOWSKA, J. Demograficzne uwarunkowania rozwoju kultury na Warmii i Mazurach. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 24.

³⁴ CZESLA, A. Niemcy na Warmii i Mazurach w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 79-80.

³⁵ Подробнее на тему переселения жителей украинской национальности в Вармию и Мазуры см.: *Akcja „Wisła”*. Red. J. PISULIŃSKI. Warszawa, 2003.

³⁶ BEBA, B. Kierunek przemian tożsamości kulturowej Ukraińców na Warmii i Mazurach. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 100.

³⁷ KOPICZKO, A. Panorama wyznaniowa województwa olsztyńskiego po II wojnie światowej. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 35.

³⁸ MURAWSKA, H. Udział ludności przesiedlonej z Kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w kulturze Warmii i Mazur. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 132-138; SIKORSKI, J. Kresowiaczy w kształtowaniu środowiska kulturalnego Warmii i Mazur. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 139-167.

³⁹ CZERNIAKIEWICZ, J. *Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1944-1948*. Warszawa, 1987, s. 64.

⁴⁰ SREBRAKOWSKI, A. *Polacy w Litewskiej SRR 1944-1989*. Toruń, 2000, s. 105.

Ольштыне. Однако, как заметил Ежи Сикорский⁴¹, гораздо более важную роль они сыграли, поселившись в отдельных повятах, что с подробностями описывает вышеупомянутый автор.

Ключевыми для обсуждаемого в статье вопроса могут стать результаты исследований, представленные ольштынским социологом Боженей Домагалой. Они показывают, прежде всего, периферийность Варминско-Мазурского региона, который воспринимается как территория, расположенная далеко от центров, в стороне, чаще всего заброшенная и отсталая в развитии⁴². Как заметила Божена Домагала, «комплекс центр-периферия всё ещё определяет цивилизационную и культурную ситуацию общественности Вармии и Мазурии. [...] Периферийность в этом понимании не обозначает только качества культурной жизни. Сюда также входит множество вопросов, связанных с социальным и хозяйственным развитием, для которых можно найти конкретные показатели, выражающие, например, уровень образования, характер занятости жителей, то есть всё то, что составляет профессиональную структуру, уровень благосостояния, способы проведения свободного времени и т. д.»⁴³. Периферийность Варминско-Мазурского воеводства проявляется не только в масштабе страны. В связи с фактом, что вся северная граница воеводства является границей Европейского Союза, обсуждаемое явление характерно и по отношению к нему (т. е. к Европейскому Союзу).

О периферийности свидетельствуют и количественные данные. Согласно информации Главного статистического управления от 2009 г., Варминско-Мазурское воеводство является одним из самых нищих в стране, наряду с остальными воеводствами так называемой «восточной границы» Польской Республики (Подляское, Люблинское, Подкарпатское и Свентокшиское). Актуальные данные, полученные в марте 2011 г. относительно уровня безработицы в Варминско-Мазурском воеводстве, показывают огромную пропасть, существующую между центром и провинцией. В Варминско-Мазурском воеводстве уровень безработицы составляет 21,4 %⁴⁴, тогда как в Мазовецком он наполовину ниже – 10,1 %⁴⁵. Это можно сказать и о заработках. Средняя месячная заработная плата в Мазовецком воеводстве в 2009 году составляла 3915,46 злотых брутто⁴⁶, а в Варминско-Мазурском – 2605,95 зл. брутто⁴⁷. Бедно выглядит и местная дорожная и железнодорожная инфраструктура.

Внимания заслуживает и характеристика общественности Мазурии, представленная Войцехом Луковским в книге «Общественное создание отчизн». Книга является одним из результатов польско-немецкого проекта «Общественное конструирование отчизн в Мазурии», который был проведен в восточных гминах воеводства⁴⁸ в течение 1996–2000 гг. Финансируемые из средств Фонда Фольксваген исследования координировались профессором Ульрихом Майем с Факультета общественной географии Бильфельдского Университета и родившимся в Гижицке научным сотрудником Института политических наук и Института общественных исследований Варшавского университета Войцехом Луковским.

⁴¹ SIKORSKI, J. Op. cit., s. 139.

⁴² POPLAWSKI, T. Peryferie a pogranicze. *Pogranicze. Studia Społeczne*, 1996, t. 5, s. 39-40.

⁴³ DOMAGAŁA, B. Z problematyki tożsamości obszarów pogranicza. In *Tożsamość kulturowa...*, s. 17-18.

⁴⁴ Urząd Statystyczny w Olsztynie, odnośnik: <http://www.stat.gov.pl/olsz/index_PLK_HTML.htm> [Ostatnia wizyta: 29.02.2012].

⁴⁵ Urząd Statystyczny w Warszawie, odnośnik: <http://www.stat.gov.pl/warsz/index_PLK_HTML.htm> [Ostatnia wizyta: 29.02.2012].

⁴⁶ Urząd Statystyczny w Warszawie, Przeciętne miesięczne wnagrodzenia brutto, odnośnik: <http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/warsz/ASSETS_10w_07_02.pdf> [Ostatnia wizyta: 29.02.2012].

⁴⁷ Urząd Statystyczny w Olsztynie, Przeciętne miesięczne wnagrodzenia brutto, odnośnik: <http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/olsz/ASSETS_10w07_03.pdf> [Ostatnia wizyta: 29.02.2012].

⁴⁸ Проект был реализован в гминах Будры, Круклянки, Старые Юхы и городе Гижицко.

В контексте указанных исследований важными являются отношения жителей (в основном польского происхождения) с лицами, декларирующими свою принадлежность к украинцам. Согласно изысканиям, представленным В. Луковским, остальная часть общественности воеводства воспринимает их, по сути, положительно. Нельзя говорить и о каких-либо этнических столкновениях. Чаще всего замечается, что это такие же люди, и хотя появляются высказывания, что «украинцы злобствуют на поляков», гораздо чаще замечается, что они более экономные и трудолюбивые⁴⁹. Интересно, что, опираясь на биографические опросы, проведенные в рамках проекта, находятся лица, которые считают себя одновременно и поляками, и украинцами. В такой форме исследование было проведено также среди лиц украинского происхождения, которые не декларировали принадлежности к какой-либо из вышеуказанных национальностей⁵⁰. Вероятно, это могли быть более пожилые люди, происходящие из этнических групп лемков и бойков, которых не отождествляли себя с украинской нацией так, как это делали их дети и внуки.

В ходе анализа общественности восточных гмин региона В. Луковский заметил, что «В памяти опрошенных нами жителей Мазурии [...] период реального социализма характеризуется общественным равновесием, прозрачностью и разборчивостью правил общественного сосуществования. Поэтому эти годы оцениваются положительно. Зато все то, что произошло после 1989 года – отрицательно»⁵¹.

Причины такого явления скрываются, прежде всего, в потере ощущения безопасности, в недостатке чутких правил общественной и хозяйственной жизни, в выкупе земли (в основном жителями Варшавы), а также в миграции, которая считается основным способом удовлетворения материальных и жизненных стремлений⁵². К счастью, эти миграции имеют маятниковый характер, т. е. жители в основном выезжают пытаясь заработать средства для дальнейшего существования в регионе⁵³.

Автор указанной книги обращает внимание на тот факт, что Мазурия воспринимается в качестве прекрасного уголка страны как переселенцами из Гроденщины и Полесья, так и уроженцами этого края. На такую оценку влияет, прежде всего, ценность естественной среды и отдаленность от больших промышленных центров⁵⁴. Факт проживания на территории, которая считается исключительно красивой, способствует образованию эмоциональных отношений к ней, а вслед за этим и отождествлению с ней.

Чрезвычайно важной кажется тема автоидентификации жителей воеводства. Несмотря на то, что населяет его постиммиграционная общественность, в воеводстве начала создаваться варминско-мазурская идентичность. Хотя часто она имеет поверхностный и не совсем прочный характер, появление такой идентичности хорошо предсказывает будущее. Интересно, что те же самые лица воспринимают себя и вармяками, и мазурами, что – как замечает В. Луковский⁵⁵ – было связано с «варминско-мазурской» идеологией, создаваемой главным образом коммунистическими властями. В отличие от пожилых лиц, среди которых преобладает отождествление с Виленщиной или Вольнью, а также от лиц, переселённых в ходе акции «Висла», которые причисляют себя к украинцам, «чем моложе опрашиваемый, тем беспорнее

⁴⁹ ŁUKOWSKI, W. Op. cit., s. 176-177.

⁵⁰ Ibid., s. 118.

⁵¹ Ibid., s. 169.

⁵² Ibid., s. 169-170.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid., s. 177-180.

⁵⁵ Ibid., s. 118.

выбор «мазурской» принадлежности»⁵⁶. Так называемые новые мазуры приобрели даже своеобразный стереотип, который возник в контакте с жителями других регионов страны. Новый «мазур имеет репутацию человека *довольно, скажем, твёрдого и ужасно упрямого*»⁵⁷.

Лучше всего отождествление современных жителей Мазурии со своей малой родиной представлено в весьма обстоятельном высказывании анонимного сорокалетнего человека, уроженца этой территории: «Не очень-то я знал, что делать со своим пониманием окружающего меня мира. Откровенно говоря, я и раньше знал, что в Мазурии проживают люди разного происхождения, но никогда не сталкивался с тем, что меньшинства появляются сразу после проведения границ. До того существовало лишь самоопределение «Мы из Мазурии», а теперь ещё появились определения «украинцы», «немцы», «национальные меньшинства». Для нас это было в какой-то степени неудобно, но не настолько, чтобы это на нас особенно давило. В своих отождествлениях с Мазурией мы чувствовали себя настолько свободными, что основали общественную организацию, которую назвали Мазурское сообщество. Мы исходили из того, что отождествление с каким-либо национальным меньшинством для нас чуждо, а более важной и первоначальной является наша идентификация с Мазурией, что мы не против других идентификаций, в том числе и с национальными меньшинствами, но в нашем сообществе они являются второстепенными. Такой выбор сделали, по крайней мере, несколько сотен человек разного регионального и этнического происхождения. Нам казалось, что мы становимся просто мазурами, и мы этим гордились. Укрепляли нас в этом наши замыслы, зачастую эффективные успехи. Все они сигнализировали внешнему миру о том, что между странством Мазурии и нашей идентичностью складывается надёжная связь»⁵⁸.

Следует отметить и тот факт, что автор данной статьи, будучи уроженцем Вармии, мог наблюдать (в смысле участия в наблюдении – англ. *participant observation*) процесс формирования регионального сознания среди жителей этого исторического края. Приверженность к малой родине Вармии особенно сильна (что само собой разумеется) среди молодого поколения, которое родилось на этой территории и тут формировало свое мировоззрение. В ней преобладает своеобразная мода на варминскость. Возникли даже институционализованные формы (схожие с Мазурским сообществом) – общества, включившие в свои уставы деятельность, связанную с традицией и современностью Вармии, как например «Варминский дом», «Святая Вармия» или «Свободная творческая группа». Последняя внесла свой вклад даже в популяризацию забытого варминского диалекта. При лингвистической помощи коренного вармяка Эдварда Цифуса она издала серию комиксов из цикла «Варминские легенды»⁵⁹, а также пластинку с традиционными песнями в современных фольклорных аранжировках⁶⁰.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid., s. 185.

⁵⁸ Фрагмент высказывания анонимного собеседника зарегистрирован Войцехом Луковским: ŁUKOWSKI, W. Op. cit., s. 229-230.

⁵⁹ Более об этом смотри в рецензии Изабеллы Шмутц на WAKAR, Marcin; GACH, Jarosław. *Jek chłop łabóńdzia za bziółka wziół. Jak chłop łabędzia za żonę wziół*. Olsztyn, 2006; *Ło królu i szurku w czepku hurodzónam, O królu i chłopcu w czepku urodzonym*. Olsztyn, 2007, опубликованной в: *Studia Angeburgica*, 2009, Nr. 15, s. 159-162.

⁶⁰ Например, песня Hoboud „Wskrzieszenie Hobouda” (Olsztyn, 2009).

Заклучение

Суммируя, следует повторить, что представление современных поляков о Вармии и Мазурии формируется, с одной стороны, посредством отдаленных от правды мифов, а с другой – через научное познание. Однако чаще всего обе эти плоскости переплетаются и в коллективном сознании создают картину чрезвычайно красивого региона, который стал для Польши «возвращенным». Регион, ввиду своего провинциального характера и исключительных природных ценностей, видится как место, где стоит купить рекреационный участок и построить дачный дом. Однако из-за высокой безработицы, низких зарплат и слабой инфраструктуры немногие хотели бы проживать в нём постоянно.

Среди поляков распространилось мнение, что в Вармии и Мазурии проживает конгломерат людей, происходящих из остальных регионов страны (постиммиграционная общественность). Как заметил автор данной статьи, знания большинства поляков о коренных жителях региона (вармяках и мазурах) являются незначительными или сводятся к этническим стереотипам. Для одних – это немцы, для других – категорически поляки, которые по причине неверной политики коммунистических властей выехали в Западную Германию.

Подобным образом обстоит дело и с различием обоих краев. До недавнего времени многие жители Ольштына были уверены, что живут в Мазурии, и только образовательные кампании о сложившейся региональной идентичности, проведенные для людей неправительственными организациями, изменили это положение вещей. Туристы по-прежнему приезжают «в Мазурию», невзирая на то, что на самом деле купили путевки в дом отдыха в самом центре Вармии.

Безусловно, тот факт, что всё больше и больше жителей Вармии и Мазурии отождествляют себя с пространством, на котором проживают, следует считать позитивным. Создание неправительственных организаций, апеллирующих к идеям регионализма, или, наконец, появление стереотипа, относящегося к жителю Мазурии, является свидетельством того, что эта часть бывшей Восточной Пруссии уже вросла в организм Польского государства.

Список использованных исследований

- Akcja „Wisła”. Red. J. PISULIŃSKI. Warszawa, 2003.
- BARTHES, Roland. *Mit i znak*. Warszawa, 1970.
- BEBA, Bożena. Kierunek przemian tożsamości kulturowej Ukraińców na Warmii i Mazurach. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 96-108.
- BEBA, Bożena; PIJANOWSKA, Jolanta. Demograficzne uwarunkowania rozwoju kultury na Warmii i Mazurach. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 23-33.
- CZERNIAKIEWICZ, Jan. *Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1944-1948*. Warszawa, 1987.
- CZESLA, Alfred. Niemcy na Warmii i Mazurach w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 69-82.
- DOMAGAŁA, Bożena. Z problematyki tożsamości obszarów pogranicza. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 12-22.
- ELIADE, Mircea. *Aspekty mitu*. Warszawa, 1998.
- GÓRNY, Maciej. Po co nam ten mit? *Przegląd Polityczny*, 2004, Nr. 65, s. 121-125.
- KĘTRZYŃSKI, Wojciech. *O Mazurach*. Olsztyn, 1988.
- KĘTRZYŃSKI, Wojciech. *Szkice*. Olsztyn, 1977.
- KOPICZKO, Andrzej. Panorama wyznaniowa województwa olsztyńskiego po II wojnie światowej. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 34-68.
- MURAWSKA, Halina. Udział ludności przesiedlonej z Kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w kulturze Warmii i Mazur. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 132-138.

- OBITZ, Kurt. *Dzieje ludu mazurskiego*. Dąbrówno, 2007.
- LUKOWSKI, Wojciech. *Spoleczne tworzenie ojczyzn: studium tożsamości mieszkańców Mazur*. Warszawa, 2002.
- POPLAWSKI, Tadeusz. Peryferie a pogranicze. *Pogranicze. Studia Społeczne*, 1996, t. 5, s. 37-47.
- SAKSON, Andrzej. Wstęp. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 5-6.
- SIKORSKI, Jerzy. Kresowiaci w kształtowaniu środowiska kulturalnego Warmii i Mazur. In *Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur*. Red. B. DOMAGAŁA, A. SAKSON. Olsztyn, 1998, s. 139-167.
- SREBRAKOWSKI, Aleksander. *Polacy w Litewskiej SRR 1944-1989*. Toruń, 2000.
- SZORC, Alojzi. *Dominium warmińskie 1243-1772: przywilej i prawo chełmińskie na tle ustroju Warmii*. Olsztyn, 1990.
- WAKAR, Marcin. Mit Ziem Odzyskanych w literaturze Warmii i Mazur. In *Балтийский регион: миф в языке и культуре*. Red. Г. БЕРЕСТНЕВ. Калининград, 2010, с. 35-40.
- WAKAR, Paulina. Mit Mazur we współczesnym polskim kinie. In *Балтийский регион: миф в языке и культуре*. Red. Г. БЕРЕСТНЕВ. Калининград, 2010, с. 92-100.

KĄ REIŠKIA VARMĪJA IR MOZŪRIJA ŠIANDIENOS LENKAMS?

Marcin Wakar

Wojciecho Kętrzyńskio mokslinių tyrimų centras Olštynė, Lenkija

S a n t r a u k a

Remdamasis teze, kad mitas yra bendrumą sudarantis elementas, autorius straipsnyje teigia, kad šiuolaikinių lenkų Varmijai ir Mozūrijai teikiama reikšmė atskleidžia, viena vertus, Susigrąžintųjų žemių ir Arkadijos mitų gyvybingumas, antra vertus, mokslinis sociokultūrinių procesų, vykstančių šiuose regionuose po 1945 m., pažinimas.

Susigrąžintųjų žemių mitas buvo palaikomas Lenkijoje pokariu, taikant jį visoms buvusios Vokietijos teritorijoms, atitekusioms Lenkijai. Mito kilmė nėra komunistinė, kadangi panašią gimtųjų žemių idėją dar XX a. pr. plėtojo Romanas Dmowski, didžiausias lenkų nacionalizmo apologetas. Komunistinės Lenkijos propaganda pamiršo dešiniąsias šios mito kilmės konotacijas ir, taikydama įvairias priemones, diegė jį lenkų visuomenės sąmonėje. Šis mitas buvo plėtojamas literatūroje, Varmijos ir Mozūrijos saitus su Lenkija siekusių įrodyti istorikų (Wojciecho Kętrzyńskio ir kt.). Norint pagrįsti Varmijos ir Mozūrijos lenkiškumą, pokariu tarsi iš pagrindžio dienos šviesą išvydo daugybė Varmijoje ir Mozūrijoje anksčiau dirbusių rašytojų, kurių kūryba irgi buvo naudojama mitui palaikyti. Autoriaus teigimu, Susigrąžintųjų žemių mitas buvo būtinas, siekiant suartinti naujakurius su naująja gyvenamąja vieta, atrasti sąlyčio taškus, bendras vertybes ir bendrus tikslus.

Arkadijos mitas, skirtingai nei Susigrąžintųjų žemių mitas, lietė vien tik pačią Mozūriją. Jo kilmė yra vokiečių literatūroje Ernsto Wiecherto, Siegfriedo Lenzo, Hanso Helmuto Kirsto kūryba, kurios poveikis apėmė ne vien Vokietiją, bet ir Lenkiją ir kuri suformavo Mozūrijos vaizdavimo literatūroje kanoną. Šiame kanone Mozūrija vaizduojama gamtos stebuklu, kupinu tamsių miškų ir krikščionių ežerų, rojumi Žemėje, mitine Arkadija. Tokia Mozūrijos traktuotė yra ypač populiarinama per masines informavimo priemones, televizijos serialus ir kino filmus. Autorius atkreipia dėmesį, kad juose, siekiant apologizuoti gyvenimą provincijoje, neretai vaizduojamos dvi stipriai poliarizuotos sferos – miesto ir kaimo. Provinciali kaimiškoji sfera (Mozūrija) yra vaizduojama kaip erdvė, suteikianti galimybę į rūpesčius, būdingus gyvenimui mieste, pažvelgti iš nuotolio, galiausiai tuos rūpesčius pamirštant visai.

Gerokai besiskiriančias nuo mitinių konstrukcijų Varmijos ir Mozūrijos reikšmes šiandienos Lenkijoje atveria pastarųjų dviejų dešimtmečių mokslinis pažinimas. Antroje straipsnio dalyje pristatydamas kitų tyrinėtojų (Andrzejaus Saksono, Alfredo Czesła'os, Andrzejaus Kopiczko, Bożenos Domagałos, Wojciecho Łukowskio) tyrimų rezultatus, autorius atkreipia ypatingą dėmesį į tai, kad regionas yra apgyvendintas įvairialypės sudėties postimigracinės visuomenės, kurią sudaro ne tik lenkai, pokariu atvykę iš Mazovijos, Vilniaus krašto, Vakarų Baltarusijos ir Ukrainos, bet ir kompaktiškai gyvenanti ukrainiečių mažuma (čia yra didžiausia jos koncentracija Lenkijoje), po atskirus kaimus ir miestus išsibarstę vokiečių mažumos atstovai ir t. t. Nepaisant to, kad naujakuriams iš esmės būdingas nekonfliktiškas sugyvenimas, regione jaučiamas jo periferiškumas, apleidimas ir atsilikimas. Jį provokuoja ne tik didelė bedarbystė ir mažesni nei kitose Lenkijos dalyse atlyginimai. Tyrimai rodo, kad daugeliui Mozūrijos gyventojų realiojo socializmo laikotarpis siejasi su pusiausvyra ir visuomenės sugyvenimo taisyklių aiškumu, o pokyčiai po 1989 m. dažnai vertinami neigiamai.

Mokslinis pažinimas yra svarbus dar ir todėl, kad parodo, kaip minėtosios mitinės konstrukcijos, persiskverbdamos į realią gyvenimišką praktiką, formuoja savitas Varmijos ir Mozūrijos vaivadijų gyventojų tapatinimosi formas. Vyresnės kartos gyventojai šiame krašte vis dar tapatinasi su savo kilties vietomis (Vilniaus kraštu ar Volyne), tačiau tarp jaunosios kartos gyventojų, gimusių šioje žemėje ir čia formavusių savo pasaulėžiūrą, yra ypač paplitęs regioninės tapatybės palaikymas, įgaunantis ir institucionalizuotas formas – draugijas, palaikančias Mozūrijos ir Varmijos regionų praeities tradicijas. Tapatinimasis su regionu yra tapęs tajai kartai būdinga mada, nors, kaip rodo moksliniai tyrimai, savitai regioninei tapatybei vis dar būdingas paviršutiniškumas ir ne itin didelis tvarumas. Antai tie patys asmenys dažnai įvardija save ir varmiais, ir mozūrais, daugelis Olštyno, esančio Varmijoje, gyventojų yra įsitikinę, kad gyvena Mozūrijoje, o turistai, paveikti arkadiškojo Mozūrijos vaizdinio, mano atvyksta „į Mozūriją“, nors išties nusipirko kelionės bilietą į poilsio namus pačiame Varmijos centre. Tokį fenomeną W. Łukowskis aiškina „Varmijos ir Mozūrijos“ ideologijos, kadaise kurtos komunistinės valdžios, gyvybingumu.

WHAT DO THE WARMIA AND MASURIA MEAN TO THE CONTEMPORARY POLES?

Marcin Wakar

The Wojciech Kętrzyński Scientific Research Centre in Olsztyn, Poland

Summary

On the basis of the thesis that myth was a community creating element, the author argues that the meaning attached to Warmia and Masuria by contemporary Poles is disclosed, on the one hand, by the viability of the myths of the Recovered Lands and of Arcadia, and on the other hand, by the outcomes of scientific studies of the social-cultural processes that took part in the regions after 1945.

The myth of the Recovered Lands was maintained in post-war Poland and applied to all former German territories that Poland acquired. The origin of the myth is not communist, as a similar idea of native lands was developed by Roman Dmowski, the greatest apologist of Polish nationalism, as early as in the 20th c. The propaganda of communist Poland forgot the right-wing connotations

of the said myth and tried to inculcate it in the minds of Poles by different means. The myth was also developed by literary people or historians who made efforts to prove the bonds of Warmia and Masuria with Poland (W. Kętrzyński, etc). To justify the Polish character of Warmia and Masuria, in the postwar years, a number of authors who previously worked in Warmia and Masuria were remembered, their works also served for the maintenance of the myth. As stated by the author, the myth of the Recovered Lands was necessary to bring together the settlers and their new place of residence and to establish common values and common aims.

The Arcadian myth, differently from the myth of the Recovered Lands, did not relate exclusively to Masuria. Its origin is to be found in the works of German authors Ernst Wiechert, Siegfried Lenz, and Hans Helmut Kirst whose impact was felt both in Germany and Poland and who formed the canon of depicting Masuria in literature. In accordance with the canon, Masuria was a miracle of nature with its dark woods and crystal lakes, a paradise on Earth, a mythical Arcadia. Such a version of Masuria was especially popularised by the mass media, TV serials, and films. The author points out that in such cases, in order to exalt the life in the province, two highly polarized spheres were depicted, those of the city and the village. The provincial rural sphere (Masuria) was shown as a space providing for viewing the commotion typical of urban life from a distance and finally forgetting all about it.

The meanings of Warmia and Masuria, significantly different from the mythical constructions, have been opened by scientific studies over the last two decades in contemporary Poland. In the second part of the article, the author introduces the outcomes of the studies of other researchers (Andrzej Sakson, Alfred Czesła, Andrzej Kopiczko, Bożena Domagała, Wojciech Łukowski) and draws special attention to the fact that the region is populated by a post-immigration community of a diverse composition, including not only Poles who arrived from Mazovia, Vilnius Region, Western Belarus, and the Ukraine, but also a compact Ukrainian minority (the greatest concentration in Poland), a German minority, scattered in different villages and towns, etc. Despite the fact that the settlers tend to co-exist without conflicts, the region is characterized as provincial, slovenly, and backward. That is caused not merely by the higher unemployment and lower salaries as compared to the rest of Poland: as proved by the studies, for most inhabitants in Masuria, socialism is associated with balance and clear rules of public co-existence, while the changes after 1989 are frequently viewed as negative.

Scientific studies are also significant as they demonstrate how the above mentioned mythical constructions, by permeating into the real life practice, produce unique forms of identification of the population of Warmia and Masuria Voivodships. The senior generation still identify themselves with the places of their origin (Vilnius Region or Volyn), however, the younger generation, who were born in Warmia and Masuria and formed their worldview here, especially tend to support the regional identity which acquires institutionalized forms: societies that foster traditions of the past in Masuria and Warmia Regions. Identification with the Region became a kind of a fashion for the said generation, although, as proved by scientific studies, the unique regional identity proves to be rather superficial and hardly sustainable. The same individuals frequently call themselves both Warmians and Masurians; most of the Olsztyn population in Warmia believe that they live in Masuria; and tourists, under the impact of the Arcadian image of Masuria, think they are coming to Masuria, even if they bought tickets to the rest home in the very centre of Warmia. The phenomenon was explained by W. Lukowski by the viability of the “Warmia and Masuria” ideology once shaped by the communist government.